

СИГНИФИКАТИВНО-ДЕНОТАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АБСТРАКТНОГО ИМЕНИ В ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Анализируется композиционная структура плана содержания понятия «абстрактное/отвлеченное имя». После уточнения понятий «денотат», «сигнификат» и «референт» абстрактное имя в древнегерманских языках определяется как сигнификативная единица, которая, благодаря «вещной» коннотации данного типа имен, приобретает в контексте письменных памятников денотатный и референтный характер.

Задачей настоящей статьи является описание композиционной организации лексического значения абстрактного/отвлеченного имени (АИ/ОИ) как семиотической единицы в его проекции на древнегерманские тексты.

Метаязыковой аппарат, используемый при описании АИ/ОИ, предполагает выделение данных имен на основе их денотативной соотношенности. Традиция определять АИ/ОИ как лексемы, у которых отсутствует денотат в виде «отдельного предмета объективной и непосредственно наблюдаемой действительности», восходит к трудам Г. Пауля [1. С. 6–7]. Сходную трактовку можно обнаружить и в БЭС по языкознанию, в которой Ю.С. Степанов вводит дополнительную свойство АИ, а именно их нереперентный характер [2. С. 438]. Однако в связи с последними достижениями в разработке теории референтности следует уточнить содержание основных терминологических обозначений, используемых для определения АИ/ОИ.

Как известно, понятия «денотат» и «референт» связаны с описанием семантического треугольника «слово – понятие – вещь» Ч. Огдена – А. Ричардса. Лежащий в его основе логический треугольник Готлоба Фреге предполагает существование денотата как объекта, обозначением которого является рассматриваемое имя (см. лат. *denotatus* – «обозначение, обозначенный») [3. С. 354]. В таком значении «денотат» противостоит «смыслу», «концепту» («концепт» в логике – смысл понятия [4. С. 25]). В дальнейшем для обозначения смыслового содержания, стоящего за знаком, в различных научных школах наблюдается использование таких терминов, как «содержание» (в семиотике), «означаемое» (Ф. де Соссюр), «сигнификат» (в схоластической логике). Данные термины предполагают существование чувственно воспринимаемого объекта действительности – денотата, обозначением которого является знак.

С течением времени ученые пришли к пониманию неэлементарности и внутренней структурированности содержательной стороны знака, что отразилось в появлении ряда дополнительных терминов и переосмыслении имеющихся. Из-за осознания того факта, что содержательная сторона знака включает как понятийное, так и предметное содержание, термин «денотат» стал соотноситься с предметным содержанием знака в противопоставлении «десигнату» как понятийному содержанию знака. В таком употреблении термину «десигнат» соответствует термин «сигнификат» в новом, втором значении.

Логическое влияние на лингвистическую терминологию отразилось в появлении иных понятий. В анали-

тической философии Р. Карнапа и К. Льюиса денотату как объекту соответствует термин «экстенционал» (в логике – область приложения или референции имени), а сигнификату как содержанию – «интенционал» (в логике – смысл имени, называющего понятие), которым в русской традиции соответствуют термины «объем» и «содержание» понятия. При таком логически ориентированном описании термин «интенционал» обозначает свойство, данным именем выраженное, а «экстенционалом» называется множество объектов, которое может этим именем обозначаться. Следовательно, в языке у слова должен иметься и интенционал и экстенционал, но слово, употребленное в речи, должно называть конкретный референт, под которым понимается конкретный объект, соответствующий слову, употребленному в тексте [4. С. 25; 5. С. 57–59]. При подобной интерпретации термин «референт» составляет оппозицию термину «экстенционал» как единичный объект – множеству объектов, и, следовательно, оба термина соотносятся с объектами внешнего мира. Подобный подход вызвал необходимость уточнения понятия «денотат». В современной литературе термин «денотат» чаще всего используется в двух смыслах: 1) как синоним термина «экстенционал», 2) как синоним термина «референт» [2. С. 128; 5. С. 58; 6. С. 36–37; 7. С. 25]. В обоих случаях предполагается, что «денотат» – это предмет гипотетический, «объект вообще», который существует только в сознании людей в виде типизированного представления [8. С. 199]. Поэтому через денотат происходит идентификация референта в конкретном речевом акте.

Обобщая вышеизложенные факты, можно сказать, что в интерпретации термина «денотат» произошло его переосмысление как явления идеального мира, что повлекло за собой появление высказываний типа «в материальном мире нет денотатов» [6. С. 39] (см. таблицу).

Тем не менее и в настоящее время наблюдаются некоторые расхождения в определении сущности денотата. Так, в своей монографии Е.Г. Которова [9. С. 86–90] приступает к объяснению денотата, начиная с определения сигнификата, под которым понимает обобщенное представление о явлении или факте действительности, сопутствующее слову-знаку и существующее в сознании *носителей языка*. Это определенное обобщение, «сгусток употреблений» данного слова в коммуникации. Однако у каждого человека имеется также и *индивидуальный* образ понятия, стоящего за словом-знаком, который называется денотатом.

Термины для двух сторон языкового знака

Содержательная сторона знака = План содержания		Материальный носитель
Понятийное содержание	Предметное содержание	
	Объект	Множество
Смысл, концепт		Знак
Означающее		Означающее
Содержание		Форма
Сигнификат 1		Сигнификат
Сигнификат 2	Денотат 2*	
Десигнат	Денотат 2	
Интенционал	Референт	Экстенционал
		План выражения

* Денотат 1 – это объект, который обозначает слово (по Г. Фреге).

В это время сам обозначаемый объект, обладающий реальными, не зависящими от языковых и психических факторов характеристиками, носит название референта.

Таким образом, АИ/ОИ следует понимать как сигнификатную лексическую единицу (сигнификат 2), которая в языке не обладает денотативным компонентом значения (денотат 2). С этой точки зрения, АИ/ОИ не обладает образностью первого типа, т.е. у него нет первичного чувственно-рационального образа, связанного с предметно-понятийным логическим содержанием описываемой лексической единицы. Сложность в определении АИ/ОИ, тем не менее, возникает благодаря «вещной» коннотации данного типа имен.

Как уже отмечалось, в коллективном сознании каждое АИ/ОИ существует в тесной связи с определенным кругом чувственно воспринимаемых объектов, денотативные характеристики которых переносятся на это имя. Языковым проявлением указанного свойства АИ/ОИ является его такая лексическая сочетаемость, как если бы оно обозначало некоторый материальный объект и в мысленном эксперименте могло быть воспринято как конкретное существительное, обозначающее этот предмет. В результате АИ/ОИ воспринимается как условно конкретное имя, которое обладает денотативным образом, возникающим на основе метафорической сочетаемости АИ/ОИ с другими именами: конкретными существительными, прилагательными, глаголами. Конкретное значение лексических единиц, с которыми сочетается АИ/ОИ, и составляют материальную, вещную коннотацию АИ/ОИ в определенном контексте: *убить время, воспоминания всплывают, видимая причина, разнохатъ причину, источник радости/печали*. По мнению В.А. Успенского, подобный компактный и синкретичный способ кодирования предметного, материального образа АИ/ОИ есть реализация универсального механизма хранения лексической информации в мозгу человека по аналогии с образами конкретных имен [10. С. 148]. Объяснение данному феномену можно отыскать прежде всего в постулате о том, что конкретное всегда первично по отношению к абстрактному, а также в последовательности и диалектической взаимосвязи уровней мышления, с помощью которых процесс познания идет в направлении от чувственного к логическому. «Никакое отвлеченное познание невозможно в отрыве от чувственного, <...> любое теоретическое мышление исходит

в конечном счете из эмпирических данных и приходит даже к самому отвлеченному содержанию в результате более или менее глубокого анализа чувственных данных. <...> То или иное, пусть очень редуцированное чувственное содержание всегда заключено и внутри отвлеченного мышления, образуя как бы его подоплеку. Во всякое понятийное обобщение, как правило, вкраплена чувственная генерализация» [11. С. 70–71]. Не удивительно поэтому, что многие абстрактные термины образованы переносом названий конкретных предметов, например, гр. σκεπτικός «скептик» (букв. «рассматривающий»), φύσις «природа» («происхождение, рост»), φαινόμενον «явление» («то, что открылось»), μορφή «форма» (первоначально «форма для литья»), ἁρμονία «гармония» («сцепление») [12. С. 171].

Спецификой употребления АИ/ОИ в древнегерманских письменных памятниках является ярко выраженная тенденция к овеществленному, материализованному представлению абстрактных/отвлеченных понятий, т.е. как аналогов имен физических субстанций, и наделению их видимыми и осязаемыми свойствами. По мнению исследователей [1, 13–18], для многих слов с абстрактной/отвлеченной семантикой была характерна опора на конкретный образ: например, отождествление эмоции с конкретным предметом, а чувства – с его воплощением в делах и их результатах, персонификация какого-то качества или свойства. В этой связи неоднократно высказывалось предостережение о невозможности более или менее адекватного описания значения древнего слова, поскольку в нем совмещались и предметный и обобщенный компоненты значения, границу между которыми провести невозможно. «Функционирование древнеанглийских отвлеченных имен наглядно демонстрирует исторический характер процессов обобщения, его первоначально невысокий уровень и постепенность перехода к более высокому уровню отвлечения. Формально абстрактные имена на раннем этапе служат средством воспроизведения наглядно-действенных ситуаций и связей между участвующими в них предметами» [1. С. 182]. В связи с этим многозначность многих древних слов проявляется именно в перечислении конкретных и абстрактных значений.

Рассматривая АИ/ОИ в древних языках в свете вышеизложенных особенностей, можно заключить, что они позволяют их определить как денотатные и референтные имена в контексте письменных памятников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Феоктисова Н.В. Формирование семантической структуры отвлеченного имени. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1984.
2. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
3. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Opera selecta: Сб. науч. статей. М., 1997. Вып. 35. С. 352–379.

4. Мечковская Н.Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура. М.: Academia, 2004.
5. Кронгауз М.А. Семантика. М.: Academia, 2005.
6. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: МГУ, 1997.
7. Löbner S. Understanding semantics. London: Arnold, 2002.
8. Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Вводный курс. М.: Academia, 2004.
9. Которова Е.Г. Межъязыковая эквивалентность в лексической семантике. Peter Lang. Europäische Verlag der Wissenschaften, 1998.
10. Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. М., 1979. Вып. 11. С. 142–148.
11. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. Л.: Наука, 1986.
12. Шайкевич А.Я. Введение в лингвистику. М.: Academia, 2005.
13. Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.
14. Жирмунский В.М. История немецкого языка. Л., 1965.
15. Гвоздецкая Н.Ю. К проблеме выделения «имен чувств» в языке древнегерманского эпоса // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 138–142.
16. Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова «память» // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 85–91.
17. Чернейко Л.О., Хо Сон Тэ. Концепты жизнь и смерть как фрагменты русской языковой картины мира // Филологические науки. 2001. № 5. С. 50–59.
18. Левецкий В.В. Семантический синкретизм в индоевропейском и германском // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 94–106.

Статья представлена кафедрой английской филологии факультета иностранных языков Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филологические науки» 9 октября 2006 г., принята к печати 12 октября 2006 г.